

Нелепо!

До чего же нелепо!

Цзи Вэйцю внезапно очнулся, смущённо отвёл взгляд и, вытянув шею, посмотрел на руку Цзи Су.

— Брат, ты не ушибся?! Я случайно...

Цзи Су отпустил его руку, словно ничего не произошло.

— Ничего страшного.

Цзи Вэйцю уже собирался встать, как услышал голос брата:

— Войдите.

Скрипнула дверь, и Цзи Вэйцю пришлось снова сесть. Гунгун Цинси мелкими шажками вошёл в альков, а за ним, опустив глаза, проследовали шесть слуг. Они зажгли светильники, отдёрнули занавеси, и комната наполнилась светом. Цинси, держа в руках одежду, подошёл с вежливой улыбкой.

— Прошу Государя и Ваше Высочество переодеться.

Сяо Чжо тоже подошёл с одеждой. Цзи Вэйцю посмотрел на свой измятый наряд и, решив, что между братьями стесняться нечего, с тревогой покосился на Цзи Су, снял верхний халат и переоделся в свежий.

— Ох! Государь, что у вас с рукой? — внезапно вскрикнул Цинси. Цзи Вэйцю, услышав это, не выдержал и подскочил к брату, чтобы посмотреть, что случилось.

В полумраке ему показалось, что он не задел его, но часто именно такие случайные касания бывают самыми опасными. Не то что ноготь, даже мягкий лист бумаги может порезать до крови.

На тыльной стороне указательного пальца Цзи Су виднелась красная царапина длиной в цунь, из которой выступили две крошечные капельки крови. На бледной коже это выглядело особенно заметно.

Цзи Вэйцю цокнул языком, почувствовав укол тревоги. На самом деле, ранка была пустяковой. Случись такое с ним, он бы и внимания не обратил. Но это был его брат! А с его братом даже самая мелочь становилась делом государственной важности. Хорошо ещё, что это он его оцарапал. Будь на его месте кто-то другой, не то что слуга, даже наложница императора не отделалась бы так просто.

— Государь, это... — начал Цинси.

Цзи Су отдернул руку, и длинный рукав скрыл царапину.

— Не поднимайте шума.

— Государь, нужно хотя бы смазать мазью Нефритовой Росы... — с беспокойством сказал Цинси.

Цзи Су едва заметно кивнул, и Цинси, замолчав, принёс маленькую нефритовую шкатулку. Внутри было прозрачное, как кристалл, желе.

— Я сам, — виновато пробормотал Цзи Вэйцю.

Видя, что Государь не возражает, Цинси передал шкатулку ему. Цзи Вэйцю взял нефритовую лопаточку, зачерпнул крошечную каплю мази и, протянув ладонь, почувствовал необъяснимое волнение.

Цзи Су взглянул на него и небрежно положил свою руку ему на ладонь.

Цзи Вэйцю осторожно взял палец брата, лёгким движением нанёс мазь на царапину, равномерно распределил её, а затем собрал остатки и наложил ещё один слой прямо на ранку. Он с удовлетворением отметил, как мазь быстро впиталась, оставив на коже лишь тонкую полупрозрачную плёнку.

Мастер Цю по шпаклёвке не растерял своих навыков!

Мазь Нефритовой Росы была тайным лекарством императорской семьи, чрезвычайно эффективным при любых наружных ранах. Но из-за сложности изготовления и редкости ингредиентов в год удавалось приготовить всего три-пять шкатулок, и предназначалась она только для императора.

При покойном императоре две шкатулки он оставлял себе, остальные дарил императрице и наследному принцу, а если что-то оставалось, хранил про запас. Когда Цзи Су взошёл на престол, одну шкатулку он преподносил вдовствующей императрице, одну оставлял себе, а одну дарил Цзи Вэйцю.

Цзи Вэйцю в юности был непоседой, любил возиться с кошками и собаками, и постоянно ходил в синяках и царапинах. В его резиденции до сих пор оставалась почти полная шкатулка.

Стоит сказать, что в детстве Цзи Вэйцю, по незнанию, извёл несколько шкатулок. Однажды летом, после целого дня игр в императорском саду, его кожа покраснела и болела от солнца. Он подумал, что если брат узнает, слугам не поздоровится, и решил найти что-нибудь в своих покоях. В углу одного из шкафов он обнаружил три шкатулки мази Нефритовой Росы. Прозрачная, желеобразная, с лёгким ароматом растений — ну чем не сок алоэ! А раз так, чего жалеть? Он щедро вычерпал содержимое одной шкатулки и намазался с ног до головы. Когда всё высохло, он стёр излишки и, как ни в чём не бывало, лёг спать.

На следующий день, после игр и купания, он извёл вторую шкатулку.

На третий — третью.

На четвёртый, обнаружив, что мазь кончилась, он пошёл к Цинси и попросил ещё. Цинси, придя в ужас, побежал посмотреть и, увидев пустые шкатулки, со смехом и слезами доложил Цзи Су. Тот тоже нашёл это забавным. В то время покойный император очень любил своего четырёхлетнего младшего сына и, узнав о случившемся, прислал ещё две шкатулки, погрозив ему пальцем и сказав впредь не тратить попусту такие ценные вещи.

— О чём задумался? — заметив улыбку Цзи Вэйцю, спросил Цзи Су.

— Вспомнил, как в детстве перепутал мазь Нефритовой Росы с соком алоэ... — улыбаясь, ответил Цзи Вэйцю, всё ещё держа его палец. — Брат-император, а что ты тогда подумал?

Цзи Су на мгновение задумался, и его лицо смягчилось. Он тоже вспомнил эту забавную историю. Движением кисти он высвободил руку и легонько шлёпнул Цзи Вэйцю по ладони.

— Озорник.

Цзи Вэйцю это ничуть не обидело, удар был совсем несильным.

— Кстати, во дворце ещё осталась? Подари мне ещё пару шкатулок, брат-император. Я на мелкие царапины её даже не трачу...

— Государь, во дворце есть ещё девять шкатулок, — вовремя вставил Цинси.

Цзи Су кивнул. Он никогда не был скуп с Цзи Вэйцю и не мелочился. Цинси понял его намёк и решил, как только появится время, сходить в сокровищницу.

— Благодарю, брат-император, — просиял Цзи Вэйцю.

После этого происшествия они, наконец, отправились ужинать. Увидев, что на столе одни лёгкие блюда, Цзи Вэйцю сначала расстроился, но, попробовав, понял, что за простотой скрывается настоящее искусство. Было так вкусно, что он чуть язык не проглотил. Заметив, как быстро он ест, Цзи Су бросил взгляд на стоявшего рядом Сяо Чжо. Тот сначала не понял, но, встретившись с укоризненным взглядом Цинси, сообразил, налил Цзи Вэйцю чашу супа и тихим голосом сказал:

— Ваше Высочество, отведайте супа. Сегодня на императорской кухне особенно постарались, варили его целых двадцать часов!

Цзи Вэйцю заинтересовался. Суп был янтарного цвета, прозрачный, как вода. Он попробовал ложку — сначала показалось пресным. Он моргнул, попробовал ещё — и вкус раскрылся, нежный и изысканный. Очевидно, предыдущие блюда перебили его. С третьей ложкой вкус стал ещё насыщеннее и глубже. Цзи Вэйцю удивлённо поднял бровь.

— Похоже на почерк старика Лю.

— Это работа императорского повара Лю! Ваше Высочество угадали! — просиял Сяо Чжо.

Только этот повар любил такие фокусы, его блюда раскрывались постепенно, затмевая всё остальное. Поэтому Цзи Вэйцю и запомнил его.

— Брат-император, ты пока не пей... — сказал он Цзи Су. — Поешь сначала, а потом уже суп, иначе вкус других блюд потеряется.

Цзи Су небрежно кивнул. Было ясно, что он не собирался пробовать суп сейчас. Цзи Вэйцю допил свою чашу до дна, съел ещё пару кусочков других блюд и отложил палочки. Всё казалось безвкусным. Он поманил пальцем Сяо Чжо.

— Ваше Высочество? — поклонился тот.

Цзи Вэйцю, сияя от удовольствия, сказал:

— Сходи на императорскую кухню и скажи старику Лю, чтобы отдал мне то, что осталось от супа.

Сяо Чжо замер. Станный приказ. Не зная, как поступить, он посмотрел на Цинси. Тот, мысленно обозвав ученика тупицей, зашипел:

— Что стоишь?! Ваше Высочество приказал — исполняй!

Только тогда Сяо Чжо поспешил уйти.

— Ты не знаешь, брат-император, — объяснил Цзи Вэйцю, подперев щеку рукой. — Повар Лю использует для супа лучшие ингредиенты. Но после долгой варки они теряют вид, и он не осмеливается подавать их на стол. А вкус у них отменный... Выбрасывать жалко, а съесть всё самому он не может. Каждый раз, когда он варит суп, на кухне, конечно, еды хватает, но младшие слуги дерутся за эти остатки.

— Ты тоже дрался? — спросил Цзи Су.

Раз это еда для младших слуг, как Цзи Вэйцю мог её пробовать? Неужели тоже участвовал в драках?

Цзи Вэйцю замялся.

— Случайно попробовал однажды...

Какие уж там случайности. Он не раз и не два посылал людей на кухню караулить остатки от супа старика Лю. Но после того, как он переехал из дворца, он не мог же по-прежнему посылать слуг во дворец, чтобы они устраивали там скандалы и выпрашивали для него объедки.

Об этом он, конечно, брату не скажет. Это было бы нарушением этикета и потерей лица. Узнай брат, что он, князь императорской крови, отбирает еду у младших слуг, он бы его так выпорол, что мало бы не показалось.

Цзи Су понял, что тут что-то нечисто, но, видя виноватый вид Цзи Вэйцю, решил не расспрашивать. Если заставить его рассказать правду, стыдно будет им обоим.

Тем временем Сяо Чжо бежал со всех ног. К счастью, императорская кухня была недалеко от дворца Ясного Покоя, иначе он бы свалился от усталости. По дороге он придумывал, как бы половчее всё устроить. Нельзя же было сказать, что это приказ князя Жуя. Он решил сослаться на своего учителя, мол, это ему захотелось.

Вся императорская кухня была пропитана густым, насыщенным ароматом мяса, от которого текли слюнки. Сяо Чжо вошёл и стал оглядываться. Управляющий кухней, увидев придворного евнуха, поспешил к нему, вытирая руки.

— О, это вы, гунгун Чжо. Чем могу служить?

— Что вы, что вы, — отмахнулся Сяо Чжо. — Где сегодня повар Лю, который готовил прозрачный суп?

Управляющий встревожился.

— Что-то не так с супом?

— Вовсе нет! Государь даже похвалил! — Сяо Чжо сохранял вежливую улыбку. — Просто моему учителю тоже захотелось попробовать, вот он и послал меня.

— А, так вот в чём дело, это просто! — управляющий указал на неприметного старика в углу, жарившего тефтели. — Мастер Лю, вас ищет придворный гунгун!

Сяо Чжо не стал ждать, пока повар подойдёт, а направился к нему сам. Чем ближе он подходил, тем сильнее становился аромат. Он увидел рядом с поваром Лю большую фарфоровую чашу, наполненную серо-белой массой из измельчённого мяса. Выглядело это не очень аппетитно.

— Мастер Лю, — с широкой улыбкой сказал он, — я служу при государе, зовите меня просто Сяо Чжо.

Старик Лю, не прекращая работать, буркнул:

— Занят. Говори, что надо.

— Сегодняшний суп, который вы подавали, Государь очень хвалил! — заискивающе сказал Сяо Чжо. — Мой учитель тоже захотел попробовать и попросил у вас немного остатков. Не могли бы вы...

— Кто твой учитель? — Старик Лю помешал палочками в чаше, захватил комок мясной массы и, ловко сформировав шарики, бросил их в кипящее масло. Шарики тут же зашипели, покрываясь золотистой корочкой. Сяо Чжо невольно сглотнул слюну.

— Гунгун Цинси, — ответил Сяо Чжо.

— Так я и думал, что это старый хрыч! — холодно хмыкнул старик Лю. Его слова до смерти напугали Сяо Чжо. — Что, совсем плохо стало, раз на мои объедки позарился? Но раз уж пришёл, повезло тебе. Возьми тарелку, больше не дам!

Старик Лю бросил на Сяо Чжо взгляд, взял сбоку пустую миску, положил туда пять-шесть жареных шариков и протянул ему.

— Ещё не готово, сядь в сторонке и ешь, не мешайся под ногами!

Сяо Чжо давно уже изнемогал от голода. Он поблагодарил повара и, присев в уголке, принялся за еду. Шарики были хрустящими снаружи и сочными внутри. Во рту взрывался целый букет вкусов: курица, утка, рыба, ветчина, говядина, баранина... Десятки видов мяса смешались в

удивительной гармонии. Казалось, ради одного этого мгновения стоило жить.

Как же вкусно... Неудивительно, что маленький князь так по ним тосковал.

Когда Сяо Чжо доел, целая миска мясных шариков была готова. Старик Лю махнул ему рукой, и Сяо Чжо, рассыпавшись в благодарностях, ушёл. Как только он скрылся, к старику подошёл управляющий.

— Сегодня, должно быть, красный дождь пойдёт, а, мастер Лю?

Старик Лю презрительно усмехнулся и указал на стол.

— Хочешь — бери.

Управляющий поблагодарил и, не церемонясь, принялся есть. Старик Лю, глядя на него, мысленно закатил глаза. С такими-то мозгами, если бы не лень остальных, он бы в жизни не стал управляющим императорской кухни.

И не подумает даже, что Государь, если ему что-то нравится, всегда награждает. С чего бы ученику Цинси приходиться с пустыми руками? Да и сам Цинси, старый и толстый, станет есть такую жирную пищу? Не боится умереть? Просто этот Сяо Чжо ещё молод и не умеет врать, вот и прикрылся именем учителя.

Но чтобы заставить придворного евнуха лично бежать на кухню... Маленький князь ведь ещё в Цзяннани? Неужели вернулся?

Старик Лю промолчал. Он пошёл в кладовую за своими лучшими припасами. Завтра он приготовит для дворца Ясного Покоя что-нибудь особенное и всё узнает.

Когда Цзи Вэйцю получил жареные шарики, они ещё дымились. Он откусил один и просиял.

— Брат-император, попробуй? — предложил он Цзи Су.

Цзи Су вытер уголки губ салфеткой.

— Не нужно.

Цзи Вэйцю не осмелился настаивать, хоть и было жаль. Впрочем, он был даже немного рад — шариков было мало, съешь брат один, ему бы досталось меньше.

— Ты уверен, что не хочешь? — снова спросил он.

Цзи Су на этот раз даже не удостоил его ответом. Цзи Вэйцю хихикнул. Он и не ожидал, что сможет его уговорить. Такой человек, как его брат, даже не зная, что это, не стал бы есть. А уж зная, что это отходы, и подавно. То, что он вообще позволил подать это на стол, уже было большой уступкой ради него. Не зря же, как только шарики появились на столе, брат хоть и не отложил палочки, но больше к еде не притронулся.

Но раз уж подали, Цзи Вэйцю не стал раздумывать. У императоров здесь была хорошая жизнь, даже ужин полагался. Он закинул в рот три шарика подряд, и его щёки раздулись, как у хомяка. Он ел так, словно был голодным призраком.

— Плохо кормили в эти дни? — небрежно спросил Цзи Су.

Цзи Вэйцю честно кивнул. Отведав долгожданное лакомство, его глаза заблестели.

— Да не в них дело. Наверное, после болезни аппетит ещё не восстановился.

Его тёмные глаза лукаво блеснули.

— А может... это твоя императорская аура на меня так действует? Во дворце и ем с аппетитом, и сплю крепко.

Сказано это было с озорством. В глазах Цзи Су промелькнула тень улыбки.

— А кто раньше со слезами умолял отпустить его из дворца?

— Это был я, — ничуть не смутившись, ответил Цзи Вэйцю.

Разве за стенами дворца не веселее? Брат его совсем ничего не понимает! Что такое императорский дворец? По сути, это просто место, где император живёт и работает. Удобно: проснулся — поел, поел — на работу, устал — лёг спать. Но даже во сне, если что-то срочное, придётся вставать и работать. А ещё и документы на собственность (императорская печать) не именные! Кто захватит, тот и хозяин! А если захватят, всю семью ждёт либо смерть, либо участь хуже смерти! Что в этом весёлого?

Когда Цзи Вэйцю наелся, Цзи Су отложил палочки. Цзи Вэйцю последовал его примеру. Они сменили место. Брату нужно было разбирать доклады, а Цзи Вэйцю — возвращаться в альков и читать старые.

Войдя в альков, Цзи Вэйцю понял, что уже поздно. Они ужинали почти на час дольше обычного. Неудивительно, что брат сидел с палочками в руках и не ел. Оказывается, он давно

уже был сыт и ждал его.

Цзи Вэйцю почувствовал укол совести и взялся за доклады. Первые два были от Ли Юньсю и его ланчжуна из Палаты амбаров. Третий — снова от Ли Юньсю. Первые несколько строк — опять дружеское приветствие: «Получил ответ Вашего Величества и пришёл в ужас! Умоляю, позвольте мне скорее вернуться в Яньцзин! Здесь так сухо, у меня постоянно идёт кровь из носа, боюсь, долго не протяну! Если нет, то отпустите меня на покой!».

Далее он писал, что ростки на полях взошли дружно, и теперь повсюду зеленеют поля. Эти семена прибыли вовремя, и многие беженцы, услышав об этом, спешат вернуться домой, чтобы успеть к посевной.

Ли Юньсю особо отмечал, что в области Ляюань всё спокойно. Ему, как правителю, делать нечего, и он от скуки изучает карту области, совершая набег на окрестные холмы. Он уже поймал несколько шаек разбойников, заставил их встать на путь исправления и отправил работать в поле. Он даже пообещал, что в этом году область Ляюань сможет уплатить налог по высшей ставке и не будет нуждаться в помощи казны.

Ответ императора Шицзу состоял всего из семи иероглифов: «Попутный ветер вскружил тебе голову».

Что можно было перевести как «не слишком ли ты загордился?». К тому же, имя Ли Юньсю было Куан, что означало «неистовый» — какая игра слов!

Цзи Вэйцю чуть не рассмеялся в голос, но в то же время его сомнения росли. Судя по всему, отношения между ними были прекрасными. Как они могли дойти до вражды и покушения? Он открыл следующий свиток. Действие перенеслось в зиму. Цензор доносил, что правитель области Ляюань Ли Юньсю — взяточник и казнокрад, что народ при нём голодает, а поля усеяны трупами.

Ответ императора Шицзу: «Обсудим позже».

Это означало, что император требовал от цензора неопровержимых доказательств, иначе не стоило и начинать разговор. Цензор, разумеется, представил прошение от народа и показания нескольких свидетелей, которые в один голос утверждали, что Ли Юньсю заменил хорошие семена на плохие, и после целого сезона тяжкого труда крестьяне получили лишь пустые колосья. Доказательства были железными.

В четвёртом докладе лежало письмо от императора Шицзу к Ли Юньсю, в котором он спрашивал, что произошло. Ли Юньсю в ответном докладе клялся в своей невинности, утверждал, что проблема была в семенах, и умолял императора поверить ему и начать расследование в Палате амбаров.

Пятый доклад был датирован тремя месяцами позже. В нём говорилось, что продовольственная

помощь из казны прибыла и спасла положение, но было уже поздно. Ли Юньсю клялся, что не вернётся, пока не восстановит область Ляююань.

Шестой — Ли Юньсю скоро вернётся в столицу. Он описывал красоты дороги и перечислял диковинки, которые вёз императору.

Седьмой — Ли Юньсю уже на северной границе. Он жаловался на суровый климат и на то, что в армии одни старые вояки, которые постоянно строят ему козни. Он сетовал, зачем император послал его в такое гиблое место.

Восьмой — Ли Юньсю случайно одержал победу...

Дочитав до пятнадцатого свитка, Цзи Вэйцю всё ещё был уверен, что отношения между ними были прекрасными. Он высунул голову из алькова. Цзи Су пил чай. Цзи Вэйцю, захватив доклады, вышел к нему.

— Брат-император, ты занят?

— Нет. — Цзи Су поднял голову. Цинси тут же принёс стул и с заискивающей улыбкой посмотрел на Цзи Вэйцю. Тот не сел. Он и так долго сидел, нужно было постоять.

— Брат-император, стыдно признаться, но я так и не понял, почему Ли Юньсю решил убить императора Шицзу... Судя по всему, у них были прекрасные отношения. Не могу найти причину.

— Подойди, — сказал Цзи Су.

Цинси уже успел убрать со стола разбросанные доклады, освободив место. Цзи Вэйцю, чтобы было удобнее читать, разложил все свитки в хронологическом порядке. Теперь он так же разложил их на столе.

Цзи Су указал на первый доклад, тот самый, где Ли Юньсю писал, что хорошо ест и спит, и шлёт императору подарки.

— Что ты здесь видишь?

— То, что Ли Юньсю пользовался особым расположением императора, — Цзи Вэйцю недавно говорил, что придержит своё мнение, думая, что после прочтения всех докладов оно изменится, но нет. Он чувствовал себя неловко.

Цзи Су взял кисть, обмакнул её в киноварь и неторопливо обвёл шесть иероглифов в докладе: «подарки лучше тех, что присылают ко двору». Кроваво-красные чернила ярко выделялись на

бумаге.

— Ты должен знать, что такое ежегодная дань, — сказал Цзи Су.

Ежегодная дань — это не то, что местные чиновники выбирали по своему усмотрению. Специальные люди от императорского двора ездили по провинциям, отбирали образцы, закупали товары и, убедившись в стабильности производства, включали их в список дани. Местные чиновники в этом процессе не участвовали. По закону они могли преподносить императору подарки, но это были именно подарки, а не ежегодная дань.

— Возможно, Ли Юньсю и император Шицзу были так дружны, что император дарил ему вещи из дани? — предположил Цзи Вэйцю. — Ты же даришь мне подарки из дани. Например, чай «Красная пыль и белый туман» из Ляююани, ты мне его не раз дарил. Если бы ты сейчас послал меня в Ляююань, и я, попробовав местный чай, нашёл бы его лучше того, что присылают ко двору, что в этом странного?

Цзи Су едва заметно улыбнулся. В его улыбке сквозило скрытое, сдержанное презрение и снисхождение.

— Осень — как раз время сбора этого чая. Если бы он не знал, какой он на вкус, стал бы он посылать свой? — мягко сказал он.

<http://bllate.org/book/16115/1585851>